

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.04)*

УДК 81

И.Г. Заяц*Военная академия связи им. Маршала Советского Союза**С.М. Буденного, г. Санкт-Петербург, Россия*

zarina_4@rambler.ru

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1920-Х-1930-Х ГГ.
ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)****[Irina G. Zayats The Soviet Russia in the 1920s-1930s
from point of view of the German travelers (linguocultural analysis)]**

It is carried out the study of notes of the German travelers – Lion Feuchtwanger, Erika and Klaus Mann, Joseph Roth who visited the Soviet Union in the 1920s-1930s. Groups of linguistic means making available verbal realization of a country image are investigated and described. Positive and negative moments registered by the travelers are illustrated with examples from the texts. Historical and cultural context of creation of the notes of travelers which were used as a source material is taken into account. Image of the country is analyzed in the memoirs from the point of view of linguistics, literary, cultural studies, cross-cultural communication, history, political psychology.

Key words: the Soviet Union in the 1920s-1930s, image of Russia, German travelers, notes of travelers, memoirs, Lion Feuchtwanger, Klaus and Erika Mann, Joseph Roth.

В настоящее время, в связи с ситуацией на международной арене, растущей популярностью пользуются исследования, раскрывающие образ России в глазах международного сообщества. В качестве источника материала для таких исследований, чаще всего, используются статьи в периодических изданиях, Интернет-ресурсах, выступления зарубежных политиков и т.д. Необходимо отметить, что наша страна, в силу своей сложной и самобытной истории, всегда привлекала внимание критиков и ценителей из числа иностранцев. При этом в разные эпохи образ страны трансформировался, вызывал неоднозначные оценки и трактовки. Крайне интересным в этом отношении представляется сложный и важный этап в истории России – 1920-е-1930-е гг., послереволю-

ционный период, ознаменовавший кардинальную смену как политической системы в стране, так и произошедшую вместе с ней переоценку ценностей.

Целью предлагаемой статьи является лингвокультурологический анализ образа послереволюционной России в мемуарной литературе, а именно в репортажах и дневниковых записях немецких путешественников Лиона Фейхтвангера, Йозефа Рота, Клауса и Эрики Манн, посетивших молодое Советское государство в указанные десятилетия. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач: во-первых, рассмотреть исторический и культурологический контекст создания путевых заметок, послуживших в качестве источника языкового материала; во-вторых, выделить и описать группы языковых средств, вербализующих образ страны; в-третьих, выявить субъективные оценки и мнения конкретного автора путевых заметок, участвующие в реализации образа страны.

Использование в качестве источника материала для решения поставленных задач дневников, мемуаров, заметок путешественников о пребывании в инокультурной среде и проч. представляется интересным в языковом отношении. Заметки путешественников в максимальной степени отражают индивидуальный ментальный стиль и индивидуальные особенности мировосприятия, что, в свою очередь, предопределяет выбор способов оформления мыслей с помощью сознательно или неосознанно отобранных языковых средств [2].

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что в ней представлена схема лингвокультурологического анализа образа страны в конкретную историческую эпоху, которая впоследствии может быть с успехом использована для исследования образа других стран в различных исторических контекстах, с учетом использования сходного языкового материала. Междисциплинарный подход к раскрытию образа страны, включающий учет данных лингвистики, литературоведения, культурологии, межкультурной коммуникации, истории, политической психологии, обуславливает, в свою очередь, научную новизну предлагаемого исследования.

Под образом страны в настоящей статье, вслед за Э.А. Галумовым, понимается комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности как сложной многофакторной подсисте-

мы мирового устройства. Это – база, определяющая, какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром [1, с. 371].

Молодая Советская республика в первые десятилетия после своего образования вызывала противоречивое отношение со стороны Запада: с одной стороны – боязнь и недоверие, с другой – острый интерес к новой, практически неопробованной до той поры форме государственного устройства. В эти десятилетия СССР посетили несколько немецких путешественников, отразивших свои впечатления в форме путевых заметок.

Так, литератор и журналист Йозеф Рот, активно интересующийся так называемой «русской» темой, в августе 1926 г. отправляется в страну «строящегося коммунизма» в качестве журналиста *Frankfurter Zeitung*. Прибыв в Москву, он не задерживается в столице, а едет дальше по стране: по Волге на теплоходе до Астрахани, после чего отправляется в Ялту, Баку, оттуда через Кавказ в Севастополь, Тифлис, Одессу, Киев и Харьков, на обратном пути в декабре заезжает Ленинград. Все свои впечатления он объединил после возвращения на родину в серии репортажей под общим названием «*Reise nach Russland*».

Книга следующих путешественников – Клауса и Эрики Манн „*Rundherum*“ – является рассказом об их кругосветном путешествии, совершенном молодыми людьми в 1927-1928 гг. Старшие дети великого немецкого писателя Томаса Манна начали свое большое путешествие 7 октября 1927 г. в Роттердаме. Полгода Эрика и Клаус провели в США, затем отправились дальше: Гавайские острова, Япония, Корея, через Сибирь в Москву, оттуда, наконец, через Варшаву обратно в Германию. Книга об их путешествии „*Rundherum*“ вышла уже в начале 1929 г. и была доброжелательно встречена критикой. Описанию пребывания в России посвящено пятнадцать страниц, на протяжении которых молодые авторы неоднократно заверяют читателя в своей непредвзятости и объективной оценке.

Произведение еще одного путешественника – Лиона Фейхтвангера „*Moskau 1937*“ является, по сути, путевыми зарисовками, сделанными им после пребывания в Советском Союзе зимой 1937 г. Книга не нашла понимания среди западных читателей. Даже ближайшие друзья Л. Фейхтвангера, среди них Штефан Цвейг, Франц Верфель, Бруно Франк и др., выражали свое недо-

умение по поводу прочитанного. Объяснялось это тем, что Л. Фейхтвангер первым из крупных западных писателей осмелился громко заявить о своей симпатии к Советскому Союзу, высказать надежды, которые он связывал с этим «смелым экспериментом».

СССР наделяется им самыми положительными коннотациями. Л. Фейхтвангер не скупится на похвалу, отмечая многие позитивные моменты: *Der gigantische Versuch...*, den man in Moskau unternommen hat [3,с.8]. *Unzählige Dinge stehen zu ihrer Verfügung* [3, с. 17] ...*zahllose, ausgezeichnete* Kindergärten, *herrliche* Kindertheater, die *zahllosen* Kurse ... [3, с.19] ...mit einem Netz von Schulen, dessen Dichtigkeit mit *unglaublicher Schnelle* zunimmt [3, с. 19]. Der *großartige* Plan der Rekonstruktion Moskaus [3, с. 23]. Man hat in *außerordentlich schneller* Zeit Häuser, Straßen, Verkehrsmittel errichtet... [3, с. 28]. Die Bedingungen sind *außerordentlich günstig* [3, с. 40].

Необходимо отметить воодушевление, эмоциональность автора, его искренне восхищение достижениями советского хозяйства в разных сферах жизни. Для выражения своих эмоций он использует множество эпитетов с положительной оценкой. При этом можно наблюдать склонность автора к некоторому преувеличению: его восторг столь велик, что он стремится к максимальной эмоциональности. Излюбленной лексемой писателя здесь является наречие *außerordentlich* (необычайно), а также прилагательные: *ungewöhnlich* (необычный), *unglaublich* (невероятный), *zahllos/unzählig* (бесчисленный).

Сравнения, используемые Л. Фейхтвангером для сопоставления СССР с другими странами мира, или Москвы с другими городами мира, проводятся в пользу Советского Союза:

Die äußeren Umstände sind *günstiger als irgendwo sonst* [3, с. 19]. Moskau strahlt des Nachts *so hell wie nur irgendeine Stadt der Welt* [3, с. 123]. Dies alles aber greift *sinnvoller ineinander als irgendwo sonst in der Welt* [3,с.25]. Ich habe nirgendwo *so viele rastlos arbeitende Menschen gefunden wie in Moskau* [3, с. 33]. Der Durchschnittsbürger der Union lebt vorläufig *unbehaglicher als der mancher anderer Länder*, aber er lebt *zufriedener, mehr einverstanden mit seinem Schicksal, glücklicher* [3, с. 31].

По мнению автора, СССР опережает другие страны по многим пунктам: благоприятность условий, технический прогресс, трудолюбие жителей, целесообразность устройства общества. И хотя уровень жизни в Советском Сою-

зе еще не может сравниться с западным, все же, по мнению немецкого путешественника, советским людям в гораздо большей степени, чем жителям других стран, присуще чувства довольства, счастья, веры в будущее.

Л. Фейхтвангер искренне восхищается русским народом, сумевшим за пару десятилетий поднять страну из руин, пройти путь от полной разрухи экономики до строительства нового, высокоразвитого индустриального государства, отстроить прекрасные города и полностью ликвидировать безграмотность среди населения:

Ein Volk, das vor zwanzig Jahren in Armut, Schmutz und Unbildung beinahe erstickte, verfügt heute über eine hochentwickelte Industrie, eine rationalisierte Landwirtschaft, eine große Anzahl neugegründeter oder erneuerten Städte und hat das Analphabetentum völlig liquidiert [3, с. 33].

Восхищает немецких путешественников также величественная русская природа. Так, Клаус и Эрика Манн проехали почти через всю Россию из Дальнего Востока до Москвы по Транссибирской магистрали и во время своего долгого пути смогли познакомиться с русскими пейзажами из окна поезда:

Und draußen die große Landschaft. Nicht enden wollend die Birkenwälder, jeden Tag wieder die Birke, sich tausendfach wiederholend, der rührende und hübsche und bescheidene Baum... während wir nichts und nichts und nichts als Birken sahen. Dazwischen breite Ströme und das schroffste Gebirge, und dazwischen Seen, plötzlich ist einer so groß wie ein Meer. In einer phantastischen Großzügigkeit erinnerte uns diese Landschaft an die amerikanische. Aber sie ist hundertmal schöner...[4, с. 128]

Величественность, необъятность российских просторов подчеркивается с помощью отбора соответствующей лексики: эпитетов (große Landschaft, breite Ströme, phantastische Großzügigkeit), среди них прилагательных в превосходной степени (das schroffste Gebirge), сравнений (so groß wie ein Meer). Неотъемлемым элементом российского пейзажа, символом русской природы, является береза, трогательное, скромное дерево, на протяжении многих тысяч километров сопровождающее молодых людей в пути. Эту картину, бесконечное мелькание березовых рощ за окном помогает воспроизвести многократное повторение отрицания nichts в сочетании с повторением союза und (nichts und nichts und nichts als Birken). Созданию динамичности повествования, позволяющему передать постоянную смену пейзажей за окном поезда,

служит причастие I, выступающее в предложениях в функции обстоятельства (nicht enden wollend; sich tausendfach wiederholend).

По своему простору сибирские ландшафты сравниваются в книге с американскими, поскольку брату и сестре в начале их путешествия неоднократно пришлось пересекать Соединенные Штаты на поезде, и они имели возможность познакомиться также с природой этой страны. На этот раз сопоставление оказывается в пользу России – эмоциональное сравнение, усиленное наречием (hundertfach schöner), свидетельствует о том, что молодые авторы по достоинству оценили красоту Сибири.

Российская столица также производит на путешественников сильное впечатление. По их мнению, сравниться с Москвой по привлекательности среди прочих городов мира может разве только Париж:

Es gibt wenig Städte – vielleicht nur noch Paris, - in denen das Spaziergehen so viele Freude wie hier macht, trotz des „proletarisierten“ Straßenbildes. Immer wieder findet sich Neues, Fremdes, Ungeahntes: versteckte Durchgänge, Mäuerchen, Plätze. – Und dann ist da der wundervolle Spaziergang am Wasser entlang, wo man auf den unbetretbaren Kreml den Blick hat; diesen Weg sind wir täglich gegangen, und täglich beschlossen wir, dass er nicht leicht seinesgleichen findet [4, с. 133].

В программу посещения города входили ежедневные прогулки по Москве. Больше всего молодых людей привлекает новое, неизведанное, те неожиданные открытия, которые готовит им каждый новый день пребывания в Москве (Neues, Fremdes, Ungeahntes). Таким образом, авторы подчеркивают индивидуальность российской столицы, ее непохожесть на другие города, в которых им удалось побывать. Особенно восхищает авторов книги неповторимый вид на Кремль, открывающийся с набережной Москвы-реки – их любимый маршрут для прогулок. Кремль характеризуется с помощью эпитетов, подчеркивающих его величественность, таинственность, неприступность (der unbetretbare Kreml), красоту (schöne Türme und Baulichkeiten).

С восторгом описывают брат и сестра красоту дворцов и церквей столицы, создающих неповторимые архитектурные ансамбли:

Wenn es später wird, ragen die schwarzen Silhouetten der Paläste und Kirchen, eine magisch-großartige Operndekoration, in die blaß sich vorbereitende Nacht... Dann sind da die Kirchen, die mit den goldenen und die mit den bunten Kuppeln; am stattlichsten die Erlöserkirche, monumentales Bauwerk in Weiß und Gold, re-

präsentativer Stil des vorigen Jahrhunderts; am schönsten die Basiliuskirche auf dem Roten Platz, überraschender, barbarisch bunter Kuppelbau, vielleicht das märchenhafteste, unglaublichste und frömmste Gebäude der Erde [4, с. 133].

При описании красот Москвы, ее достопримечательностей, используются как конкретизирующие эпитеты, описывающие цвет, форму, существенные признаки или качества объекта (die schwarzen Silhouetten, mit den goldenen und die mit den bunten Kuppeln), так и оценочные, выражающие непосредственно отношение авторов к наблюдаемому. В составе второй группы необходимо отметить индивидуальные авторские эпитеты, образованные путем сложения основ прилагательных, либо неожиданного сочетания слов. Так появляются образования *magisch-großartig*, *barbarisch bunt*, позволяющие сделать описание более экспрессивным и наглядным.

В отрывке встречается несколько прилагательных в превосходной степени, отражающих восхищение молодых людей великолепными московскими церквями, среди которых особо выделяются Собор Христа-Спасителя и Собор Василия Блаженного, их величественностью, монументальностью, красотой (*am stattlichsten, am schönsten*). Собор Василия Блаженного называется при этом самым сказочным, невероятным и богоугодным зданием в мире (*das märchenhafteste, unglaublichste und frömmste Gebäude der Erde*).

Авторы еще раз подчеркивают особую роль церквей в создании неповторимого облика города: *Moskau wird von seinen Kirchen beherrscht, die Kirchen sind es, die ihm das Gepräge geben* [4, с. 134]. Таким образом, церкви становятся для К. и Э. Манн в определенном смысле символом Москвы.

Высокую оценку все немецкие путешественники дают русскому театру и кинематографу. Так, К. и Э. Манн получили возможность насладиться просмотром известного фильма «Потемкин» и превозносят в своей книге его художественную ценность: *Das grandiose Bilderbuch...rollt sich ab; es wird ein ganz großer Eindruck. Der unbeschnittene „Potemkin“..., dieser tendenziöse Geschichtsunterricht ist ohne Frage das Atemberaubendste und Ungeheuerlichste, was die Filmkunst bis heute hervorgebracht hat* [4, с.136].

Брат и сестра называют эту картину самой захватывающей и невероятной в истории кинематографа. Учитывая тот факт, что путешественники недавно вернулись из Голливуда, где имели возможность познакомиться со многими

всемирно известными режиссерами, актерами и их работами, нужно признать, что такая оценка русского фильма действительно является очень лестной.

Л. Фейхтвангера также не скупится на восторженные эпитеты при описании советского театра и кинематографа: Die Sowjetunion hat ein herrliches Theater [3, с. 48]. Eine außerordentlich gute Oper [3, с. 48]. ...in außerordentlich guten, bis ins kleinste ausgefeilten Darstellung [3, с. 44]...neue schöne Bühnenhäuser von letzter technischen Vollendung [3, с. 44]. ...großartiger, wahrhaft poetischer Film [3, с. 44]...musikalisch vollendet, Regie, Darstellung, Bühnenbild sind unerhört, neu und lebendig [3, с. 43].

Употребляя множество эпитетов с самой положительной оценкой, автор передает свои собственные впечатления от посещения московских театров. Красоту постановок, декораций, восхищение писателя вновь помогает передать экспрессивная лексика (außerordentlich, unerhört, herrlich, großartig, vollendet).

Разумеется, все немецкие путешественники находят в молодом советском государстве немало недостатков. К негативным характеристикам внешнего облика Москвы К. и Э. Манн причисляют, например, «пролетаризированный» вид московских улиц: Man hat pflichtgemäß zu konstatieren, dass das Moskauer Straßenbild „proletarisert“ sei... [4, с. 132]

Слово „proletarisert“ явно используется авторами с негативным оттенком, в качестве критического замечания. По их мнению, это ни в коем случае не служит украшению города. В понятие «пролетарский вид» они включают бедность населения, убогий внешний вид многих жителей столицы, отсутствие элегантно и дорого одетых людей на улицах, обилие нищих:

...die betonte Schäßigkeit, welche die Kleidung des Durchschnittes charakterisiert...Bürgerlich gekleidete Leute sind selten, elegante fehlen fast ganz. Außerdem fallen viele und scheußliche Bettler auf, einarmige, humpelnde, blinde, ganz verfallene... [4, с. 132]

Ключевым словом, раскрывающим суть происходящего в те годы в России, брат и сестра считают слово “проблема” – das Problem:

Das Problem, über das du zu urteilen hättest, ist ungeheuer, und die Winzigkeiten sind es, die du gesehen hast [4, с. 132]. Das wären so geschaute Winzigkeiten. Dahinter steht riesenhaft: *das Problem* [4, с. 140].

Авторы подчеркивают глобальность стоящей перед молодым советским государством проблемы (ungeheuer, riesenhaft), под которой, по всей види-

мости, понимается целый ряд важных, нерешенных задач в различных областях экономики и благоустройства жизни. Используя антитезу (*ungeheuer/riesenhaft - Winzigkeiten*), К. и Э. Манн противопоставляют глобальности этих проблем, существующих в советском обществе, ту их крохотную часть, которую они смогли непосредственно наблюдать за время своего короткого пребывания в России.

Л. Фейхтвангер среди недостатков советского общества отмечает бюрократизм, который значительно осложняет жизнь людям: *Auch der Bürokratismus trägt das Seine dazu bei, den Moskauern das Leben sauer zu machen* [3, с. 14].

Разумеется, Фейхтвангер не может обойти своим вниманием столь зловеющую тему, как преследование «врагов народа». На Западе в 30-е годы была в определенной степени доступна информация о событиях в России, о том, что многих людей подозревали во вредительстве, они могли быть арестованы как «враги народа» и наказаны за это, хотя, естественно, никто в мире в то время не догадывался об истинных масштабах этого явления.

Автор рассказывает о том, какие настроения он заметил среди советского народа, о том, что подозрительность людей развилась в настоящий психоз (*Schädlingspsychose*), когда за каждым мелким проступком пытались разглядеть преступный умысел:

Sie sind rasch bei der Hand denjenigen, der einfach nicht die Kraft besaß zur Mehrleistung, der bösen Absicht zu zeihen, ihn als Schädling zu verdächtigen [3, с. 35]. *Allmählich aber ist in der Bevölkerung eine richtige Schädlingspsychose entstanden* [3, с. 36].

Фейхтвангер ищет объяснения этому процессу, наблюдающемуся в Советском Союзе, но, разумеется, не может определить его истинных виновников.

На Западе было широко распространено мнение, что советские люди «обезличены», лишены индивидуальности, что весь их образ жизни, все мысли, слова и поступки «стандартизованы» - подведены под единый стандарт, соответствуют единым нормам и правилам. Л. Фейхтвангер, в своей книге, склонен в определенной степени разделить эту точку зрения. Истоки этого явления он ищет в самих условиях жизни: в плановой экономике, изначально уравнивавшей всех жителей СССР в потребностях, в стандартизированном выпуске товаров широкого потребления, в стандартности политических собраний, произносимых на них речей, наполненных шаблонными фразами:

Die Menschen der Union seien entpersönlich, ihr Lebensstil, ihre Meinungen normalisiert, gleichgeschaltet, uniformiert... In diesen Behauptungen steckt ein Körnchen Wahrheit. Nicht nur bringt die Planwirtschaft, solange die Produktion der Fertigwaren noch nicht hoch entwickelt ist, eine gewisse Standartisierung der Konsumgüter mit sich, der Möbel, der Kleider, der Dinge des kleinen Bedarfs, sondern es ist auch das ganze öffentliche Leben der Sowjetbürger weitgehend normalisiert. Versammlungen, politische Reden, Diskussionen; Klubabende ähneln einander wie Eier... [3, с. 36].

Во время пребывания в СССР Л. Фейхтвангеру, конечно, не мог не броситься в глаза культ личности Сталина, ведь ни одна речь в то время (на какую бы тему она не произносилась) не могла обойтись без благодарственных слов «вождю»; везде стояли его бюсты, висели портреты. Фейхтвангер высказывает свои мысли по этому поводу в книге:

Die Verehrungen Stalins, der maßlose Kult, den die Bevölkerung mit ihm treibt, ist das erste, was dem Fremden in die Augen springt...An allen Ecken und Enden...sieht man gigantische Büsten und Bilder Stalins. Die Reden, die man zu hören bekommt..., sind gespickt mit Verherrlichungen Stalins, und oft nimmt die Vergötzung des Mannes geschmacklose Formen an [3, с. 57].

Der übermäßige Kult Stalins...; geschmacklos übertriebener Kult Stalins; ...die riesigen, häßlichen Büsten Stalins; ungeheuerliche Hymnus auf Stalins Verdienste...; die überschwengliche Verehrung [3, с. 57].

Очевидно, что формы, которые принял культ личности Сталина в то время, неприятно поражает писателя, он не понимает и не одобряет этого всеобщего обожествления, что подчеркивается употреблением эпитетов с отрицательной оценкой либо с семантикой преувеличения, также, способствующей выражению неодобрения (*maßlos, übermäßig, geschmacklos, übertrieben, überschwenglich, riesig, häßlich, gigantisch, ungeheuerlich*).

Однако, осуждая внешние атрибуты и проявления этого культа, автор не пытается рассмотреть истинные причины его возникновения.

Й. Рот в своих репортажах также критикует идеологическую основу советского общества. В языковом плане ему помогает в этом использование интертекстуальных включений, то есть употребление в тексте клишированных фраз, формул языка социализма, отражающих основные, ключевые концепты советского государства и его идеологии.

Такие понятия как «чувство коллективизма», «буржуазная психология», «ликвидация безграмотности», «сознательный пролетарий» были знакомы каждому советскому человеку и во многом сформировали психологию нескольких поколений: „das kollektivistische Gefühl“ [5, с.136]. Gleichzeitig soll sie (die Revolution) jede etwa erwachende Neigung zur „bourgeoisien Psychologie“ vernichten [5, с.196]. Das soll die unvermeidliche Etappe auf dem Weg zum „bewussten Proletarier“ sein [5, с. 197]. „Liquidierung des Analphabetismus“ [5, с. 197].

Й. Рот не скрывает своего отношения к процессу воспитания в советском человеке, особенно у молодежи, так называемого «чувства коллективизма». Он видит в этом опасность, поскольку советский коллективизм препятствует гармоничному развитию личности, не позволяет человеку быть и чувствовать себя свободным, открыто выражать свои мысли и мнение. Этой же идеей пронизано следующее высказывание:

Der junge Mann weiß gewiß, was ein Ausbeuter und was ein Ausgebeuteter ist, eine Sozialisierung und eine politische Reaktion, eine „bürgerliche Ideologie“ und der Bergarbeiterstreik in England. Aber er kann eben keinen Satz bilden – denn er ist nicht erzogen zum Kombinieren... Man hat ihn zu einem „Mitglied der Gemeinschaft“ erzogen und zu einem „Fachmann“, zu einem gläubigen Optimisten und einem Fanatiker der „Realität“ und ihres Ausdrucks: der Statistik [5, с. 226].

По мнению автора, молодежь в Советской России воспитывается с тем, чтобы стать «членами общества», «специалистами», фанатиками реальности и статистики. Их учат оперировать такими понятиями как «эксплуататор» и «эксплуатируемый», «социализация» и «буржуазная идеология», но не стимулируют у них самостоятельность и зрелость мышления.

Цитаты из советского лексикона Й. Рот применяет также при описании отношения в Советской Республике к религии. Как известно, уже в первые годы советской власти посредством пропаганды у широких масс начало формироваться представление о религии, как о «яде»:...die Überzeugung, dass die Religion „Gift“ sei ... [5, с. 187].

Автор цитирует знаменитое изречение В.И. Ленина, ставшее практически крылатым в Советском Союзе: Религия – опиум для народа. Примечательно, что это высказывание упоминают все немецкие путешественники, путевые заметки которых анализируются в настоящей статье, столь сильное впечатление оно на них, по-видимому, произвело.

Среди интертекстуальных включений в книге Й. Рота встречаются цитаты В.И. Ленина – призывы к строительству социализма и индустриализации страны, которые, по утверждению автора, в те первые годы Советской власти можно было увидеть повсюду: на плакатах, в газетах, на экране: «Индустриализация – основа социалистического государства», «Мы строим социализм»: *Aus Lenins Schriften allein lassen sich unzählige akustisch wirksame Parolen herausklauben. Man wirft sie auf die Filmleinwand, in die Spalten der Zeitungen, auf Plakate: „Die Industrialisierung ist die Grundlage des sozialistischen Staates.“* „Wir bauen den Sozialismus“ [5, с. 213].

Иронизируя над склонностью советских людей цитировать труды великих революционеров: Маркса, Ленина и т.д., которые наделяются при этом статусом абсолютных истин, непоколебимых догм, писатель вновь прибегает к помощи метафор: *In Sowjetrussland aber sieht man die Welt von dem Turm aus, den die gesammelten und aufgestapelten Schriften von Marx, Lenin und Bucharin bilden...* [5, с. 217].

По образному сравнению писателя, огромная Советская Республика является не чем иным как башней, составленной из трудов классиков марксизма, и все население с высоты взирает на остальной мир, не знакомый с почитаемыми в России авторами.

Таким образом, путевые заметки немецких путешественников, посетивших Советский Союз в 1920-1930-е гг., выказывают немало общего. Это позволяет сделать вывод, что они могут являться достаточно объективным источником информации, представляющим вполне реальный образ страны, хотя, несомненно, субъективные оценки авторов, личные симпатии и антипатии также нашли свое отражение в их дневниковых записях. Высокую оценку и даже восхищение получает культурная жизнь в СССР: театр, кинематограф, музыка, а также русская природа, красота городских ландшафтов, достопримечательности, стремительный рост экономики, крепнущая индустриальная мощь страны. Критике подвергаются идеология, которой была пронизана жизнь в СССР в рассматриваемый период, культ личности вождей социализма, заметное отставание от европейских стран в экономическом отношении. Среди языковых средств, способствующих реализации образа страны, наиболее важную роль играют эпитеты, а также сравнения, метафоры и интертекстуальные включения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Галумов Э.А.* Международный имидж современной России (Политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.
2. *Гришаева Л.И.* Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации // *Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности.* Ч. 2. Воронеж: ВГУ, 2004.
3. *Feuchtwanger L.* Moskau 1937. Ein Reisebericht für meine Freunde. Berlin, 1993.
4. *Mann K., Mann E.* Rundherum. Abenteuer einer Weltreise. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2005.
5. *Roth J.* Reise nach Russland. Feuilletons, Reportagen, Tagebuchnotizen 1919-1930. Köln: Kiepenheuer Witsch, 1995.

R E F E R E N C E S

1. *Galumov E.A.* The international image of modern Russia (political analysis). Thesis. M., 2004.
2. *Grishaeva L.I.* Understanding the "alien" and "other" as a condition for successful acculturation // *Mutual understanding in the dialogue of cultures: conditions for success.* Part 2 Voronezh: VSU, 2004.
3. *Feuchtwanger L.* Moskau 1937. Ein Reisebericht für meine Freunde. Berlin, 1993.
4. *Mann K., Mann E.* Rundherum. Abenteuer einer Weltreise. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2005.
5. *Roth J.* Reise nach Russland. Feuilletons, Reportagen, Tagebuchnotizen 1919-1930. Köln: Kiepenheuer Witsch, 1995.

7 февраля 2019 г.
